

**АНДРЕЙ
КУЛИКОВ**

– Как выпускник факультета международных отношений Киевского государственного университета имени Т. Шевченко, филолог, оказался в журналистике?

– Не совсем так. Специальность, которая записана в моем дипломе, называется так: «Специалист по международным отношениям, референт – переводчик английского языка». Так что если брать языковой аспект, то я, скорее, лингвист, чем филолог.

Как оказался? После двух безмятежных и трех тревожных лет обучения на факультете международных отношений стало понятно, что без большого блата или выдающихся успехов работать по специальности мне никак не удастся. И я действительно оказался без работы. Позже мне и еще нескольким моим однокурсникам предложили работу в только что организованном Институте социальных и экономических проблем зарубежных стран. Мы не верили своему счастью, потому что проблема с трудоустройством была огромная. Все решал талант или блат. У меня ни того, ни другого не было. Кстати, блата примерно у половины ребят на факультете не было, хотя бытует легенда, что там все были блатные, но это не так.

И вот мы туда отправились в прекрасном настроении. Пришли, а нам говорят: «Ребята, ну вы что, не понимаете, что это для отчетности? Мы вам даже места лаборанта не можем предложить. Единственное, чем мы можем немножко помочь, – поступайте к нам в аспирантуру». Это не было решением проблемы, но трое из нас сдали туда экзамены и поступили, кто-то на заочное, я на очное. Потом я поменялся с другом, потому что у меня ребенок вот-вот должен был родиться, нужно было зарабатывать как-то. Еще мне предлагали работу в киевском горисполкоме каким-то «столоначальником»,

но я туда очень не хотел, а куда хотел – меня не брали. Поэтому в это время были случайные заработки, расстройство нервов.

А потом, в декабре 1979 года, я встретил своего знакомого, который был намного старше меня, журналиста и писателя Ярослава Королевича. Он поинтересовался, почему я такой грустный. Я рассказал, а он и говорит: «Слушай, а у нас газета расширяется, мы набираем людей со знанием английского и украинского». У меня знание этих языков было хорошее. На украинском я разговаривал как на основном еще в десятом классе. Потом был вынужденный перерыв, так как обучение у нас на факультете было только на русском и немного на английском. И мне как раз хотелось, что называется, вернуться в украинский язык. Мне дали три задания «на пробу», я написал, два из них взяли в печать. Так я стал корреспондентом отдела пропаганды газеты *News from Ukraine*. Работал там до 1992 года.

– Работа в *News from Ukraine* имела что-нибудь общее с журналистикой, или это была пропаганда?

– И то и другое. С одной стороны, это была пропаганда, а с другой – форма подачи другая. Существенно другая, по сравнению со многими изданиями для отечественного читателя. Работая там, ты мог не лгать на темы, на которые не хотел. Мне выпала тема «Международные отношения в Советском Союзе». Хотя *News from Ukraine* была одним из изданий, которые честили украинских националистов, я ни одного материала, за который мне было бы стыдно, на эту тему не написал.

Этому способствовало то, что, когда я поступил в аспирантуру, мне дали тему, которая называлась «Критика зарубежных советологических центров в области международных отношений в СССР». Благодаря этому я получил доступ к запрещенной литературе. Я почитал и понял, что с чистой совестью критиковать их не могу, потому что прочитанное практически совпадало с моим видением этого аспекта. Я не был приверженцем ни многопартийности, ни рыночной экономики, но национальный вопрос для меня всегда был особенным. Поэтому я ушел из аспирантуры, потому что защищаться по этой теме не собирался. И так же в *News from Ukraine*.

Но, конечно, будучи во многом убежден в преимуществах социалистического образа жизни, я не вполне осознавал, что зачастую лгу, потому что я как бы искренне заблуждался. Но элемент, когда я лгал отчаянно, тоже присутствовал.

– Например?

– У меня была одна очень запоминающаяся командировка – в Черновицкую область, в какой-то колхоз. Дали задание написать о доярке, Герое Социалистического труда. Все хорошо, очень интересная женщина, я написал очерк. А потом подумал, что надо что-то для убедительности добавить, чтобы зарубежные читатели поняли, «как хорошо в стране советской жить». И я взял и написал, что она зарабатывает столько, что за год может купить себе автомобиль. Написал, сдал, все хорошо. А через две-три недели в одной эмигрантской украинской газете, кажется в Штатах, появляется едкая заметка, что, вот, Куликов заврался до того, что доярка в Советской Украине за год может купить автомобиль. И тогда я, честно говоря, об этом впервые задумался. Я сел с карандашом, узнал цену самого дешевого доступного автомобиля, поделил эту цену на зарплату этой доярки. И пришел к выводу, что если она ничего не будет есть, пить и не станет покупать одежду, то может быть когда-нибудь, конечно, не через год, она сможет купить автомобиль. Мне на самом деле стало очень стыдно за это.

– Девяностые годы – это же была ломка сознания, все открылось, появились новые возможности. Как у вас происходил переход из состояния, когда все было нельзя, в состояние «ну а может быть»?

– У нас в газете это началось раньше. Считается, что область внешней пропаганды была под очень строгим контролем у властей. На самом деле это не так. Как раз пропагандистам, которые работали на границу, позволялось больше. Понятное дело, что откровенная ложь распознавалась сразу, как в том моем случае с дояркой. Поэтому и приемы были несколько иные. Нам, например, главные редакторы рекомендовали читать британские и американские газеты. Поэтому что касается формы, то кто хотел, тот был готов к пере-

ходу на западные стандарты. А вот в отношении пересмотра идей, то я, например, готов не был.

Повторяю, я пытался верить, а может быть, и верил в то, что социализм, пусть не в советской, но в близкой к нему форме, возможен. И линию партии на перестройку я не сразу воспринял. Но когда я ее обдумал и проникся ею, то, наоборот, очень стал к ней привержен.

У нас был такой пробный момент в 1987 или 1988 году, когда в Киеве состоялась первая несанкционированная демонстрация, совсем небольшая, по поводу аварии в Чернобыле. Буквально десять человек вышли тогда на нынешний Майдан, а тогда – на площадь Октябрьской революции, и развернули плакаты «Скажите правду о Чернобыле». Их немедленно забрали, при этом побили, вывезли половину из них в чисто поле, выбросили там – и, мол, «добирайтесь до Киева как знаете». А мы к тому времени – тогда главным редактором стал Виктор Иванович Стельмах – потихоньку то там, то сям делали этакие рейды на территорию свободы. Так вот, на следующий день после пикета в двух киевских городских газетах вышла заметка – официальное сообщение, о том, что в Киеве, на Крещатике собралась группа антисоциальных элементов, которые препятствовали движению общественного транспорта, хулиганили, и силы правопорядка быстро восстановили порядок. А Виктор Иванович говорит: «Нет, давайте на пробу попытаемся написать, как было». И один из наших молодых корреспондентов отправился туда и сделал четыре интервью: с представителем официальных властей, кажется из прокуратуры; с одним из избитых; со случайным свидетелем, который не побоялся рассказать, что видел, как избивали пикетчиков; и с одним из милиционеров. И мы эти интервью печатаем в одной подборке. И тут настает комедийная ситуация.

Нам звонит цензор и говорит: «Я номер в печать не пускаю. Вы уберете те два интервью со свидетелем и избитым, и тогда, пожалуйста». Три или четыре дня лежит весь номер в Главлите, мы не уступаем, но и они не идут на попятную. И тут Виктор Иванович – как человек, во-первых, работавший за границей, во-вторых, хороший игрок в шахматы – нашел решение. Он звонит в Главлит и говорит: «Послушайте, вы же знаете, что наша газета идет за границу? Вы же знаете, что она приносит валютный доход государству? Так вот, ес-